

Людмила Павловна Гарбуль

Вильнюсский университет (Литва)

К вопросу о межславянских языковых контактах в XV–XVII вв. (на материале дипломатической корреспонденции Московского государства)

Статья посвящена межславянским языковым связям, в ней, в частности, исследуются контакты между западно- и восточнославянскими языками на уровне лексики на материале дипломатической корреспонденции Московского государства. В публикации анализируются вновь выявленные случаи межславянских лексических (*выобразити* ‘привести, назвать, перечислить что-л.; упомянуть о чем-л.; описать, охарактеризовать в общем виде’, *запомогати* ‘помогать; оказывать помощь, вспомоществование’, *недорослый* ‘малолетний; несовершеннолетний’) и семантических (*узнати* ‘признать что-л.; согласиться с чем-л.; считать что-л. законным, существующим, действительным’) заимствований.

В статье также рассматривается роль письменности Великого княжества Литовского в польско-русских языковых контактах.

Ключевые слова: межславянские языковые контакты, польско-русские языковые контакты, дипломатическая (-ие) корреспонденция (документы), письменность Великого княжества Литовского, лексическое заимствование, семантическое заимствование/калька.

История изучения языковых контактов между западнославянскими и восточнославянскими языками насчитывает уже почти полтора столетия¹. Первая работа о полонизмах в русском языкознании вышла в 1873 г., ее автором был Я.К. Грот [1873], который приводит около 100 слов, считавшихся полонизмами в русском языке второй половины XIX в. Проблема польско-русских и — шире — польско-восточнославянских связей с начала прошлого столетия привлекала внимание и западных славистов. Так, в 1906 г. в Берлине была опубликована докторская диссертация В. Христиани [Christiani 1906], в которой приводится около 140 полонизмов и дается их предметно-смысловая классификация.

Заметим, что если во второй половине XIX – первой половине XX вв. список полонизмов пополнялся в основном словами романского и германского происхождения, проникшими в русский язык благодаря польскому посредничеству, то начиная со второй половины XX в. среди вновь выявляемых полонизмов стало увеличиваться число межславянских заимствований, которые представляют собой внутриславянские дериваты. Установление же такого рода заимствований как лексических, так и семантических наталкивается на значительные трудности, поскольку они не имеют формальных признаков, указывающих на неисконность слова в принимающем языке. В случае с семантическими кальками задача осложняется еще и тем, что их природа проявляется не в языковой форме, а исключительно в содержании. Преодоление этих трудностей во многом стало возможным благодаря тому, что со второй половины XX в. начинают издаваться фундаментальные исторические словари западно- и восточнославянских языков, дающие надежную информацию для точной научной интерпретации анализируемых текстов. Появление этих лексикографических источников способствовало активизации изысканий в области межславянских языковых контактов, поскольку учет материалов таких словарей, которые содержат значительное количество хронологически определенных текстуальных примеров и сравнительные языковые данные, позволяет с достаточной степенью достоверности идентифицировать случаи межславянских заимствований и верифицировать результаты проводившихся ранее исследований.

Достижения исторической лексикографии славянских языков второй половины XX – первой четверти XXI в. знаменовали качественно новый этап в изучении межславянских языковых контактов. В это время наиболее значительный вклад в разработку польско-восточнославянских и — уже — польско-русских языковых контактов вносят такие исследователи, как С. Кохман и В. Витковский. В четырех монографиях и 50 статьях С. Кохмана представлен анализ около 900 полонизмов, обнаруженных им в памятниках письменности XV–XIX вв.² В. Витковский в своих основных работах приводит перечень из почти 7000 полонизмов, регистрировавшихся в русском языке XV–XX вв., кроме того, у этого автора представлена обширная библиография исследований по польско-восточнославянским языковым контактам [см. Witkowski 2006].

Еще один важный момент, на который следует обратить пристальное внимание при обсуждении вопроса межславянских языковых контактов, — это не только исследование связей между западно- и восточнославянскими языками, но и разработка проблематики языкового взаимодействия внутри самого восточнославянского ареала. Именно этому

аспекту изучения межславянских языковых контактов в последней четверти XX – первой четверти XXI в. посвящены изыскания венгерского слависта А. Золтана [2014].

Актуальность обращения к проблеме межславянских языковых заимствований определяется тем, что это “может внести в некоторых случаях существенные коррективы в этимологию, установленную на основе формальных совпадений, и тем самым уточнить данные о первоначальном распространении того или иного слова, отделяя праславянский лексический фонд от вторичных культурных наслоений” [Золтан 2014, 14]. Приведенное выше положение предопределило наш интерес к межславянским заимствованиям, которым мы посвятили ряд статей [см. Гарбуль 2014а; 2015; 2016; 2017а; 2017б; 2018]. В настоящей публикации рассмотрим историю еще четырех лексем, обнаруженных в дипломатической корреспонденции Московского государства (далее МГ) первой половины XVII в.

ВЫОБРАЗИТИ (1) ***сов.* Привести, назвать, перечислить что-л.; упомянуть о чем-л.; описать, охарактеризовать в общем виде: *А грамоты, которые тебѣ до Риму надобе послати вскоре... в которыхъ грамотахъ выобрази і опиши, что твоя ясность довьдался любви к себѣ із грамотъ моихъ ***** [СГГД 2, 219 (98), 1605 г.].

Этот глагол представляет собой префиксально-суффиксальное производное от имеющего общеславянское распространение существительного, восходящего к праслав. **obrazь* ‘то, что вырезано, выемка; вырезанный, высеченный предмет’ > ‘вырезанное изображение, скульптура, рельеф’ > ‘портрет (также рисованный); форма, вид; фигура’, которое является обратным именным образованием от праслав. **ob-raziti* ‘обрубить, обрезать; вырезать, вырубить; изваять’, приставочного дериивата от праслав. **raziti*, 1 л. ед. ч. **ražq* (**ražjǫ*) ‘резать, рубить, сечь; наносить удары, ударять, бить’, архаичного многократного глагола, связанного чередованием гласных (**ě // *a*) с праслав. **rězati*, 1 л. ед. ч. **rěžq* (**rěžjǫ*) ‘резать, рубить, сечь; перерезать, пересекать; надрезать’ < и.-е. корень **urēg-*: **urōg-* ‘резать, рубить, сечь’, ‘разбивать, раскалывать’, ‘толочь, дробить’ [см. Вору́с 2005, 375, 511; ЭССЯ 29, 60–61, 63–66; Фасмер III, 106; ИЭССРЯ I, 588; Wańkowski 2, 349].

Мы обнаружили эту лексему в указанном выше значении в переводе с латинского языка *Письма къ Самозванцу Отрепьеву отъ Папского въ Краковъ Нунціуса Клавдія Рангони*, датированного 1605 г. Глагол

* Здесь и далее цифрой в скобках указывается количество употреблений анализируемой лексемы в наших материалах.

** Усечения начала и конца цитаты не отмечаются.

wyobraziti до сих пор не регистрировался ни в одном лексикографическом источнике русского языка. Учитывая характер памятника, можно предположить, что анализируемый глагол представляет собой заимствование. Возможно, источником этого слова является польский язык, где *wyobrazić*, в значении ‘*przedstawić czyjś wygląd, postać, ukazać*’, известное в старопольских текстах с начала XV в., с 60–70-х гг. того же столетия отмечается и в значении ‘*określić, wymienić, nomināre, denomināre*’ [SłStp X, 513]. Данными о бытовании рассматриваемого глагола в польской письменности XVI–XVII вв. мы в силу объективных причин (не завершена работа по составлению словарей польского языка XVI и XVII вв.) пока не располагаем. Однако есть основания предполагать его наличие там, так как в словаре, отражающем польский язык XIX в., находим *wyobrazić* в близком к интересующему нас переносном значении ‘*oddać, opisać, przedstawić, uwydatnić, odmalować*’ [Karłowicz VII, 953]. Далее XIX в. история *wyobrazić* в анализируемом значении не прослеживается.

В памятниках Великого княжества Литовского (далее ВКЛ) конца 80-х гг. XV в. засвидетельствовано единичное употребление *wyobraziti* в значении ‘роз’яснити, представити, висловити’, в котором этот глагол продолжал бытовать в XVI – первой четверти XVII в. [СУМ XVI – I пол. XVII ст. 5, 237; ГСБМ 5, 313]. С конца 20-х – начала 30-х гг. XVI в. и до середины XVII в. *wyobraziti* отмечается в письменности ВКЛ в значении ‘записати, передати на письмі; представити’ в источниках, язык которых в значительной степени насыщен полонизмами [СУМ XVI – I пол. XVII ст. 5, 236; ГСБМ, там же]. В украинском языке история этой лексемы ограничивается XVII в. В белорусском языке XVIII–XIX вв. *віобразіць* регистрируется только в значении ‘вообразить, представить, забрать вь голову’ [Носович 1870, 88]. В лексикографических источниках белорусского языка XX – первой четверти XXI в. этот глагол вообще не представлен.

Если сопоставить приведенную выше информацию, то, на наш взгляд, вполне вероятно, что *wyobraziti* в письменности ВКЛ представляет собой лексическое заимствование из польского, поскольку впервые эта лексема была засвидетельствована здесь именно в интересующем нас значении. Отсюда этот полонизм попадает в русский деловой язык начала XVII в., где он является окказионализмом. Говорить о проникновении *wyobraziti* в русский язык непосредственно из польского нет достаточных оснований, поскольку пока мы не располагаем достоверными данными о бытовании *wyobrazić* в интересующем нас значении в польском языке XVI–XVII вв.

Подтверждением нашей точки зрения о том, что именно польский язык является источником лексемы *выобразити* в письменности ВКЛ и русском письменном языке, может быть наличие в польском языке XVI в. существительного *obraz* в мотивирующем *wyobrazić* значении ‘*opis, przedstawienie*’ [SHP XVI, XIX, 347], тогда как в восточнославянских языках *образъ* в XV–XVII вв. не встречается в этом значении³. Кроме того, отметим, что польский славист В. Витковский [2006, 28] относит к полонизмам имперфектив *выображать* ‘*wyobrażać*’ и однокоренное отглагольное существительное *выображение* ‘*wyobrażenie*’, выявленные в русской письменности XVII в., но в других значениях.

Заключая обзор истории анализируемой лексемы в польском и восточнославянских языках, выскажем предположение, которое касается однокоренного глагола *вообразити* в русском языке. Не исключено, что оттенок значения ‘изобразить словом, описать’, иллюстрируемый в историческом словаре единственным примером XVI в. (по варианту XVII в.) [СлРЯ XI–XVII вв. 3, 22–23], возник у этого глагола под влиянием польского *wyobrazić* в анализируемом значении. При этом семантическое заимствование, очевидно, осуществлялось через актовый язык ВКЛ.

ЗАПОМОГАТИ (1) *несов.* Помогать; оказывать помощь, вспомоществование: *А што болшого — с неприятелем и израдцою его королевские милости ... со князем Судерманским ссылался, деньгами и казною против его королевские милости запомогал, забыв своего крестного целованья* [Сб. РИО 142, 389, 1613 г.].

Анализируемая лексема, вероятно всего, образована путем префиксации от приставочного глагола (праслав. **pomagati* ‘помогать’, имперфектив к **pomogti* ‘помочь’), восходящего к праслав. **mogti*, 1 л. ед. ч. **mogo* (многократный подвид глагола — **mogati*) ‘быть в состоянии, мочь’, имеющему общеславянское распространение и достоверные и надежные соответствия в балтийских и германских языках, и.-е. базой которого является **māgh-* ‘быть в состоянии; быть в силах’, ‘помогать’ [см. Boryś. 2005, 338; ЭССЯ 19, 107–111; Фасмер II, 635–636; ИЭССРЯ I, 546; ЕСУМ 4, 510; Rejzek 2001, 486].

Имперфектив *запомогати*, отмеченный в списке грамоты от панов - рад Польско-Литовского государства, до сих пор не регистрировался ни одним лексикографическим источником русского языка. В *Словаре русских народных говоров* [10, 342] представлено единичное употребление перфектива *запомочь* в значении ‘заработать’, засвидетельствованное в начале XX в. в Смоленской губернии. Учитывая характер памятника, в котором обнаружена рассматриваемая лексема, обратимся к ее истории в польском языке и в письменности ВКЛ.

В польских письменных источниках по имеющейся на данный момент информации перфектив *zapomóc* ‘wesprzec, wspomóc, zasilić’ известен с начала 50-х гг. XVI в., а имперфектив *zapomagać* ‘wspierać, wspomagać, zasiliac’ — со второй половины 50-х гг. того же столетия [Reczek 1968, 619]. В этом значении интересующий нас глагол бытовал в польском языке XVII–XIX вв. [Linde VI (II), 857; Karłowicz VIII, 226]. В словаре, отражающем польский язык XX в., *zapomóc, zapomagać* сопровождаются пометой “daw.” [SłJP X, 703], а в лексикографическом источнике начала XXI в. этот глагол уже не представлен.

В актовом языке ВКЛ перфектив *запомогчы, запомочи* (каму-н., каго-н.) ‘дапамагчы’ отмечается с конца 30 – начала 40-х гг. XVI в., а имперфектив *запомогати, запомагати* (каго-н.) ‘дапамагаць’ впервые встречается в конце 30-х гг. XVI в., но более широкое распространение он получает с середины того же столетия [ГСБМ 11, 99; СУМ XVI – I пол. XVII ст. 10, 156–157, 158–159]. Заметим, что в XVI–XVII вв. этот глагол наблюдается в деловых текстах, язык которых в значительной степени насыщен полонизмами [там же]. Анализируемая лексема представлена в словарях, регистрирующих белорусский (*запомогаць* ‘вспомоществовать’) и украинский (*запомагати* ‘помогать, поддерживать, давать помощь’) язык XVIII–XIX вв. [Носович 1870, 180; Гринченко 2, 83]. В словаре белорусского языка XX в. фиксируется как перфектив *запамагчы* ‘пасадзейнічаць, дапамагчы’, так и имперфектив *запамагаць* ‘то же’ с пометой “абл.” [ТБСМ 2, 360; там же, 5, 544], тогда как в словаре первой четверти XXI в. находим *запамагаць, запамагчы* без каких-л. ограничительных помет [СБМ, 268]. В словарях украинского языка XX–XXI вв. *запомагати, запамагчы* ‘допомагати; подавати допомогу кому-н.’ снабжено пометой “розм.”, а *запомагати, запомогти* (кого-н.) ‘то же’ — пометой “заст.” [СУМ III, 272; ВТССУМ, 415].

Сопоставление приведенной выше информации, на наш взгляд, позволяет сделать вывод о том, что в русском приказном языке XVII в. *запомогати* ‘помогать; оказывать помощь, вспомоществование’ является несомненным межславянским лексическим заимствованием, причем заимствованием окказиональным, так как пока выявлено единичное его употребление. Источником заимствования мог быть как польский, так и актовый язык ВКЛ. Более сложным представляется вопрос о том, где первоначально возникла эта лексема: в польском, в канцелярском языке ВКЛ или в каждом из этих языков самостоятельно? В связи с этим возможны следующие версии: анализируемый глагол был образован в самом польском языке, откуда затем он проник в письменность ВКЛ. В пользу этого может свидетельствовать характер памятников ВКЛ, в

которых эта лексема отмечена в XVI–XVII вв. Что касается хронологии, то более ранние фиксации в актовом языке ВКЛ, по сравнению с польским письменным языком⁴, можно объяснить исключительным доминированием в средневековые латыни в польской письменности [см. Золтан 2014, 109]. Если подтвердится эта версия, то тогда *запомогати* в русский приказный язык, очевидно, попало из польского языка через посредничество письменности ВКЛ. Однако мы не исключаем и обратного направления влияния: заимствования из актового языка ВКЛ в польский в 50–60-е гг. XVI в. В таком случае в русскую дипломатическую корреспонденцию этот глагол проник непосредственно из письменности ВКЛ.

НЕДОРОСЛЫЙ (1) *прил.* Малолетний; несовершеннолетний: *Он истинного прирожденного государевича Московского князя Дмитрея Ивановича Углецкого в молодом и недорослом веку его убити ... вельзь* [Сб. РИО 142, 550, 1614–1615 гг.].

Корневая морфема анализируемой лексемы восходит к имеющему общеславянское распространение праслав. **orsti* (< **ordti*), 1 л. ед. ч. **orsto* ‘расти, вырастать’ < и.-е. база **er(ə)-dh-* ‘приводить в движение’, ‘поднимать’, ‘расти’ [см. Вору́с 2005, 518–519; ЭССЯ 32, 197–199; ИЭС-СРЯ II, 100; Фасмер III, 445–446].

До сих пор считалось, что прилагательное *недорослый/недоростлый* в значении ‘не достигший полного роста, возраста’ известно в русском письменном языке с 1668 г., а в субстантивном употреблении в значении ‘подросток, ребенок, несовершеннолетний’ — с 1670 г. [СлРЯ XI–XVII вв. 11, 93]. Что касается дальнейшей истории слова *недорослый*, то в значениях ‘не достигший совершеннолетия, несовершеннолетний’ и ‘не достигший полного роста’ оно бытовало в русском письменном языке XVIII в. [СлРЯ XVIII в. 14, 170]. В лексикографических источниках русского литературного языка XIX–XXI вв. это прилагательное представлено только в значении ‘не достигший полного, нормального роста, высоты’, при этом в словаре, регистрирующем язык первой четверти текущего столетия, оно уже снабжено пометой “устар.” [САР III, 1307; Даль II, 514; ССРЛЯ 7, 836; БАС 11, 617]. В интересующем нас значении единичное употребление *недорослый* было засвидетельствовано в говорах Архангельской области в середине 60-х гг. XX в. [СРНГ 21, 30].

Мы обнаружили *недорослый* в документе по сношениям МГ с Польско-Литовским государством в середине первой четверти XVII в. Эта информация позволяет более чем на полстолетия удревнить время появления анализируемой лексемы в русской письменности. При этом примечательно то, что мотивирующее ее прилагательное *дорослый*

‘совершеннолетний; взрослый’ засвидетельствовано в русском письменном языке позже⁵, и, по мнению польских славистов, было заимствовано в русский язык из польского [см. Kochman 1967, 106; Witkowski 2006, 46]. Все это дает основания предполагать, что и *недорослый* является полонизмом в русском языке.

В исследованиях по этимологии и истории западнославянских языков отмечается, что чешское *dorostlý* ‘erwachsen’, известное с XIV в., и польское *dorosły* ‘adultus’, регистрируемое с середины XV в., видимо, представляют собой кальки с латыни или с немецкого [см. Bańkowski 1, 287; SłStč I, 303; SłStp II, 141]. Судя по хронологии, не исключено, что в старопольскую письменность это прилагательное могло попасть из старочешского. Что касается интересующей нас лексемы, то в старочешском *nedorostlý* ‘nedorostlý, nedospělý’ отмечается с середины XV в. [StčSl III, 440], а в старопольском *nedorosły* ‘małoletni, nieletni’ фиксируется со второй половины того же столетия [SłStp V, 172]. В данном случае есть вероятность того, что анализируемое прилагательное является калькой с латинского *impūbes* (*in + pubes*) ‘несовершеннолетний, незрелый, невозмужалый; отроческий, детский’ [см. StčSl, там же; SłStp, там же], но оно могло быть образовано префиксальным способом в чешском и польском языках. Последовательность появления этой лексемы в западнославянских языках, о которых идет речь, позволяет допускать, что сначала *nedorostlý* появилось в старочешском языке, затем, возможно, оттуда попало в старопольский. В словаре, отражающем чешский язык XIX – первой половины XX в., *nedorostlý* в интересующем нас значении снабжено пометой “výraz málo uživaný” [PSIJC III, 324]. В современном чешском языке *nedorostlý* употребляется в значениях ‘takový, kt. nevzrostl na normální velikost’ и ‘nedospělý, nevypělý’ [SISJC III, 299]. В польском языке *nedorosły* ‘niedojrzały, nieletni’ бытовало на протяжении XVI–XX вв. и входит в активный состав лексики до сих пор [SłP XVI, XVII, 235; Linde I, 497; там же, III, 324; Karłowicz III, 274; SłJP V, 52; USJP 2, 910].

В письменности ВКЛ прилагательное *дорослый* ‘дарослы, стали’ известно с конца 20-х гг. XVI в., в значении существительного ‘дарослы’ — со второй половины 10-х гг. того же столетия, причем в XVI–XVII вв. оно часто отмечалось в документах, насыщенных полонизмами, или в переводных с польского языка текстах [ГСБМ 9, 5; СУМ XVI – I пол. XVII ст. 8, 146]. Лексема *недорослый* ‘непаўналетні’ впервые регистрируется в конце 30-х гг. XVI в., но более широкое распространение она получает со второй половины того же столетия и первоначально встречалась в документах, язык которых испытал значительное влияние

польского языка [ГСБМ 20, 82; СУМ XVI – I пол. XVII ст. 16, 145; Тимченко 1, 482, 483]. В этом же значении находим *недорóслий* в словаре, отражающем украинский язык XIX в. [Грінченко 2, 545]. В словарях украинского языка XX–XXI вв. анализируемая лексема представлена в значениях ‘який ще не виріс, перебуває в дитячому віці; малолітній’ и ‘який не досяг нормального зросту; низький’ [СУМ V, 298; ВТССУМ, 757]. В лексикографическом источнике, фиксирующем белорусский язык XIX в., и толковых словарях XX–XXI вв. это прилагательное не приводится, хотя в двуязычном переводном русско-белорусском словаре начала XXI в. *недарóслы* регистрируется в том же значении, что и *недорослый* в русском языке XIX–XX вв. [РБС, 195; см. также СБМ, 454]. При этом *дарóслы* в значении ‘які дасягнуў сталага ўзросту’ до настоящего времени бытует в белорусском языке [ТСБМ 2, 141].

Приведенные выше данные об истории прилагательного *дорослый* и анализируемого нами слова *недорослый*, по нашему мнению, позволяют сделать вывод о том, что в восточнославянских языках они, вероятнее всего, являются лексическими заимствованиями из западнославянских языков. Обе лексемы, видимо, возникли в старочешском языке, откуда затем попали в старопольский, из которого, очевидно — в письменность ВКЛ. Актовый язык ВКЛ мог выступать в роли посредника в процессе заимствования этих прилагательных в русский письменный язык XVII в.

УЗНАТИ (1) *сов.* Признать что-л.; согласиться с чем-л.; считать что-л. законным, существующим, действительным: *Пора нам отставити упрямство свое прочь, а не губити ... невинных душ крестьянских, которые для нас в городе на кождый день помирают, обачить и узнати упрямство свое ... принести вины и добити челом ... великому государю королю его милости* [Сб. РИО 142, 259, 1610–1611 гг.].

Эта лексема представляет собой префиксальное производное от имеющего общеславянское распространение и соответствия в балтийских и других индоевропейских языках праслав. **znati*, 1 л. ед. ч. **znajō* ‘знать’, и.-е. базой которого является корень **g'en-*: **g'nō-* ‘знать’, ‘узнавать’, очевидно, связанный с и.-е. **g'en-* ‘рождать(ся)’ [см. Вору́с 2005, 742–743; ИЭССРЯ I, 326–327; Фасмер II, 100–101; ЭСЛРЯ II (6), 101].

На данный момент наиболее ранняя фиксация глагола *узнати* в значении ‘узнать, вспомнить, опомниться’ относится к 1465 г., она была обнаружена в *Псковской летописи I* [Срезневский III, 1171]. Нам это слово в указанном выше значении встретилось в дипломатическом документе по сношениям МГ с Польско-Литовским государством. В этом значении

оно до сих пор не фиксировалось ни одним лексикографическим источником русского языка.

Учитывая характер памятника, в котором выявлено *узнати* в интересующем нас значении, а также то, что производное от него *узнание* ‘усмотрение; мнение, заключение, оценка, суд; решение’ считается заимствованием из польского в русском письменном языке XVII в. [см. Kochman 1967, 148; Witkowski 2006, 214; Гарбуль 2014б, 185], можно предположить, что в случае с глаголом мы имеем дело с семантическим заимствованием из того же источника. Так, в старопольском языке *uznać* в значении ‘*zecznać w sądzie*’ известно с начала XV в., в значении ‘*postanowić, uznać za słuszne*’ — с 30-х гг. XV в., а в значении ‘*wziąć pod uwagę*’ — со второй половины того же столетия [SłStp IX, 499]. В значении ‘*zgodzić się na coś, przyznać coś, przyznać się, poczuć się do czegoś*’ этот глагол бытовал в польском языке XVI–XIX вв. [Linde VI (I), 198–199; SłP XVII; Karłowicz VII, 426]. В современном польском языке *uznać* также употребляется в значении ‘*stwierdzić jakiś stan, fakt, potwierdzić coś*’ [SłJP IX, 788; USłJP 4, 320]. Заметим, что в старочешском языке *uznati* также отмечалось в значениях ‘*shledat, zjistit; ůředně přijmout jako platné*’ [ESSČ]. И в чешском языке XIX–XX вв. *uznati* регистрировалось в значении ‘*dojítí k rozhodnutí, přijítí k závěru, poznati nutnost něčeho, zpravidla nutnost něco vykonati; přijmouti za pravdu, za skutečnost, připustiti, přiznati něco, zpravidla po jistém zdráhání*’ [PSIJČ VI, 749–750; SISJČ VI, 420]. Информация об истории рассматриваемого глагола в анализируемом значении в чешском и польском языках, которой мы располагаем на данный момент, может свидетельствовать как о независимом формировании этого значения в каждом из языков, так и допускать чешское влияние на польский.

В письменности ВКЛ единичные употребления как перфектива *узнати* в значении ‘(признати кого ким) визнати, посвідчити’, так и имперфектива *узнавати* ‘що (стверджувати) визнавати’ относятся к началу XV в. и встречаются в документах, испытавших влияние польского языка или отражающих контакты с Польшей [ССМ 2, 469]. Более широкое распространение *узнати* в значении ‘признаць каго-, што-н. ким-, чым-н.; пагадзіцца з чым-н.; прыйсці да якога-н. заключэння’ получает с начала XVI в. [ГСБМ 34, 310; Тимченко 2, 421]. В этом значении рассматриваемый глагол бытовал в белорусском языке (*узнаць, узнаваць*) XVIII–XIX вв. [Носович 1870, 654], но за пределами XIX в. история его не прослеживается. В словарях современного украинского языка *узнати* (*взнати*) в значении ‘визнавати когось, щось; вважати яким-н.’ снабжено пометой “рідко” [СУМ X, 408; ВТССУМ, 1499].

История *узнати* в восточнославянских языках и *uznać* в польском, на наш взгляд, дает некоторые основания для предположения о том, что в первых этот глагол в анализируемом значении, возможно, является заимствованием из польского. При этом в русском письменном языке это, видимо, окказиональная семантическая калька, а в письменности ВКЛ, учитывая то, что впервые рассматриваемый глагол фиксируется именно в интересующем нас значении, он может быть лексическим полонизмом⁶. Если верно наше предположение о происхождении *узнати* в письменности ВКЛ, то последняя могла способствовать заимствованию анализируемого значения глагола в русский письменный язык.

Завершая анализ рассмотренных выше лексем, сформулируем некоторые обобщающие выводы:

1. Глаголы *выобразити*, *запомогати* и прилагательное *недорослый* в русском письменном языке являются межславянскими лексическими заимствованиями, а глагол *узнати* в значении ‘признать что-л.; согласиться с чем-л.; считать что-л. законным, существующим, действительным’, возможно — семантической калькой. При этом *выобразити*, *недорослый* и *узнати* в указанном выше значении в русский приказный язык и письменность ВКЛ проникли, очевидно, из польского языка. В случае с *запомогати* более вероятным мы считаем заимствование в восточнославянские языки также из польского. Однако пока не следует исключать и возможность обратного направления влияния, то есть того, что в польский язык XVI в. и в русский деловой язык XVII в. эта лексема попала из письменности ВКЛ.
2. В трех случаях (*выобразити*, *недорослый* и *узнати* в анализируемом значении) роль посредника в процессе заимствования в русский письменный язык, вероятнее всего, играла письменность ВКЛ. При заимствовании прилагательного *недорослый* межславянские языковые контакты, возможно, носили еще более сложный характер, поскольку если первичным источником заимствования был старочешский язык, то в роли посредника выступала не только письменность ВКЛ, но и польский язык.
3. Для лексемы *недорослый* наши материалы более чем на полстолетия позволяют удревнить время ее появления в русском письменном языке.
4. Что касается дальнейшей судьбы представленных в публикации слов в контактировавших славянских языках, то *выобразити*, *запомогати* и *узнати* в интересующем нас значении являются окказионализмами в русской письменности XVII в. История

прилагательного *недорослый* в значении ‘малолетний; несовершеннолетний’ в русском письменном языке не прослеживается далее XVIII в., но единичное его употребление отмечено в русских говорах второй половины XX в.

В других восточнославянских языках история *выобразити* в рассматриваемом значении ограничивается XVII в., глагол *запомогати* до настоящего времени употребляется в украинском разговорном языке, представлен он и в лексикографических источниках современного белорусского языка. Лексема *недорослый* в анализируемом значении бытует в украинском языке до настоящего времени, а в белорусском языке судьба ее в этом значении пока не прослеживается далее XVII в. Глагол *узнати* в рассматриваемом значении в современном украинском языке относится к редко употребляемым словам, а в белорусском языке его история ограничивается XIX в.

В западнославянских языках, которые, по нашему мнению, являются источником заимствования представленных в этом исследовании лексем в восточнославянских языках, судьба этих слов сложилась следующим образом: в польском языке бытование *wyobrazić* и *zapomagać* в интересующих нас значениях ограничивается XIX в. Прилагательное *niedorosły* и глагол *uznać* в анализируемых значениях входят в активный состав лексики до настоящего времени. То же можно сказать и об *uznati* в чешском языке. Что касается *nedorostlý*, то употребление его в рассматриваемом значении в чешском языке ограничивается первой половиной XX в.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Обзор исследований по этой проблематике см.: [Гарбуль 2009, 44–58].

² Обзор работ С. Кохмана см.: [Гарбуль 2011, 139–147].

³ Заметим, что еще А. Брюкнер [1974, 372], рассматривая лексему *obraz* и ее производные, указывал, что не следует исключать польского происхождения некоторых форм или отдельных их значений в восточнославянских языках. В ЭССЯ [26, 66] отмечается вероятность и других межславянских влияний.

⁴ Не исключено, что в будущем, когда будет завершена обработка материалов к словарю польского языка XVI в., могут быть установлены более ранние фиксации *zarotóc*, *zarotagać* в польской письменности.

⁵ По данным С. Кохмана, наиболее ранняя фиксация *дорослый* представлена в *Литовском статуте в московском переводе-редакции XVII столетия* [Kochman 1967, 106].

⁶ Кстати, лексическим заимствованием из польского в письменности ВКЛ считается производное от *узнати* существительное *uznanie* [см. ССМ 2, 469].

СОКРАЩЕННЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ ИСТОЧНИКОВ

- Сб. РИО 142 = *Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством*, т. 5 (1609–1615 гг.). Москва, 1913. (Сборник Русского исторического общества, т. 142).
- СГГД = *Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной Коллегии иностранных дел*, ч. 2. Санкт-Петербург, 1819.

ЛИТЕРАТУРА

- БАС = *Большой академический словарь русского языка*, т. 1–24. Москва–Санкт-Петербург, 2004–2017.
- ВТССУМ = *Великий тлумачальний словник сучасної української мови*. Уклад. і голов. ред. В.Т. Бусел. Київ, 2005.
- Гарбуль Л., 2009: *Семантические полонизмы в русском приказном языке XVII века*. Vilnius.
- Гарбуль Л.П., 2011: Вклад профессора С. Кохмана в разработку проблематики польско-русских языковых контактов, *Slavistica Vilnensis (Kalbotyra 56 (2))*. 139–147.
- Гарбуль Л.П., 2014а: Межславянские семантические заимствования в русском приказном языке XVII века, *Slavistica Vilnensis*, 59. 63–80.
- Гарбуль Л., 2014б: *Лексические полонизмы в русском приказном языке первой половины XVII века*. Vilnius.
- Гарбуль Л., 2015: Межславянские лексические заимствования в дипломатической корреспонденции Московского государства, *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 60/1. 1–19.
- Гарбуль Л.П., 2016: Незамеченные семантические полонизмы в приказном языке Московского государства, *Slavistica Vilnensis*, 61. 35–61.
- Гарбуль Л., 2017а: О двоякой роли письменности Великого княжества Литовского в межславянских языковых контактах, *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 62/2. 277–289.
- Гарбуль Л., 2017б: К вопросу о роли письменности Великого княжества Литовского в межславянских языковых контактах, *Slavistica Vilnensis*, 62. 65–77.
- Гарбуль Л.П., 2018: Межславянские языковые контакты как источник заимствований в приказном языке Московской Руси, *Studia Russica*, Budapest (в печати).
- Грінченко Б., 1996–1997: *Словарь української мови*. В 4 т. Київ (репринт, 1907–1909).
- Грот Я.К., 1873: *Филологические разыскания*, т. I. Санкт-Петербург.
- ГСБМ = *Гістарычны слоўнік беларускай мовы*, вып. 1–37. Мінск, 1982–2017.
- Даль В., 1978–1980: *Толковый словарь живого великорусского языка*, т. I–IV. Москва.
- ЕСУМ = *Етимологічний словник української мови*, т. 1–6. Київ, 1982–2014.
- Золтан А., 2014: *Interslavica. Исследования по межславянским языковым и культурным контактам*. Москва.

- ИЭССРЯ = Черных П.Я., 1999: *Историко-этимологический словарь современного русского языка*, т. I–II. Москва.
- Носович И.И., 1870: *Словарь белорусскаго нарѣчя*. Санкт-Петербург.
- РБС = *Русско-белорусский словарь*, 8-е изд., т. 1–3. Минск, 2002.
- САР = *Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный*, ч. I–VI. Санкт-Петербург, 1806–1822.
- СБМ = *Слоўнік беларускай мовы*. Уклад. Н. П. Еўсіевіч [і інш.]. Мінск, 2012.
- СлРЯ XI–XVII вв. = *Словарь русского языка XI–XVII вв.*, вып. 1–30. Москва, 1975–2015.
- СлРЯ XVIII в. = *Словарь русского языка XVIII века*, вып. 1–21. Ленинград–Санкт-Петербург, 1984–2015.
- Срезневский И.И., 1893–1912: *Материалы для словаря древнерусского языка*, т. I–III. Санкт-Петербург.
- СРНГ = Филин Ф.П. (гл. ред.), Сороколетов Ф.П., Мызников С.А., 1965–2016: *Словарь русских народных говоров*, вып. 1–49. Москва–Ленинград–Санкт-Петербург.
- ССМ = *Словник староукраїнської мови XIV–XV ст.*, т. 1–2. Київ, 1977–1978.
- ССРЛЯ = *Словарь современного русского литературного языка*, т. 1–17. Москва–Ленинград, 1950–1965.
- СУМ = *Словник української мови*, т. I–XI. Київ, 1970–1980.
- СУМ XVI – I пол. XVII ст. = *Словник української мови XVI – першої половини XVII ст.*, вип. 1–16. Львів, 1994–2013.
- Тимченко Є. К., 2002–2003: *Матеріали до словника писемної та книжної української мови XV–XVIII ст.* Підготували до видання В.В. Німчук та Г.І. Лиса, кн. 1–2. Київ–Нью-Йорк.
- ТСБМ = *Тлумачальны слоўнік беларускай мовы*, т. 1–5. Мінск, 1977–1984.
- Фасмер М., 1964–1973: *Этимологический словарь русского языка*. Пер. и доп. О.Н. Трубачева. Т. I–IV. Москва.
- ЭСлРЯ = Журавлев А.Ф., Шанский Н.М. (ред.), 1963–2007: *Этимологический словарь русского языка*, т. I (вып. 1–5) – II (вып. 6–8), вып. 9–10. Москва.
- ЭССЯ = *Этимологический словарь славянских языков*, вып. 1–40. Москва, 1974–2016.
- Ваńkowski A., 2000: *Etymologiczny słownik języka polskiego*, т. 1–2. Warszawa.
- Boryś W., 2005: *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Kraków.
- Brückner A., 1974: *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Warszawa.
- Christiani W.A., 1906: *Über das Eindringen von Fremwörtern in die russische Schriftsprache des 17. und 18. Jahrhunderts*. Diss. Berlin.
- ESSČ = *Elektronický slovník staré češtiny*. URL: <http://vokabular.ujc.cas.cz> (30–03–2018).
- Karłowicz = *Słownik języka polskiego* ułożony pod redakcją J. Karłowicza, A. Kryńskiego, W. Niedźwiedzkiego, т. I–VIII. Warszawa, 1900–1935.
- Kochman S., 1967: *Polsko-rosyjskie kontakty językowy w zakresie słownictwa w XVII wieku*. Wrocław–Warszawa–Kraków.
- Linde S. B., 1854–1860: *Słownik języka polskiego*, т. I–VI. Lwów.

- PSIJČ = *Průruční slovník jazyka českého*, d. I–VIII. Praha, 1935–1957.
- Reczek St., 1968: *Podręczny słownik dawnej polszczyzny*. Wrocław–Warszawa–Kraków.
- Rejzek J., 2001: *Český etymologický slovník*. Voznice.
- SłJP = *Słownik języka polskiego*, t. I–XI. Warszawa, 1958–1969.
- SłP XVI = *Słownik polszczyzny XVI wieku*, t. I–XXXVI. Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk, 1966–2012.
- SłP XVII = *Elektroniczny Słownik języka polskiego XVII I. połowy XVIII wieku*, oprac. zespół Pracowni Historii Języka Polskiego XVII/XVIII w. pod kierunkiem W. Gruszczyńskiego, A–. IJP PAN, 2004–. URL: <http://sxvii.pl> (04–03–2018).
- SISJČ = *Slovník spisovného jazyka českého*, d. I–VIII. Praha, 1989.
- SISťč = Gebauer J., 1970: *Slovník staročeský*, d. I–II. Praha.
- SłStp = *Słownik staropolski*, t. I–XI. Warszawa, 1953–2002.
- StčSl = *Staročeský slovník*, d. III–V. Praha, 1977–2004.
- USłJP = *Uniwersalny słownik języka polskiego pod redakcją S. Dubusza*, t. 1–4. Warszawa, 2003.
- Witkowski W., 2006: *Nowy słownik zapożyczeń polskich w języku rosyjskim*. Wyd. II rozszerzone. Kraków.

BIBLIOGRAPHY (TRANSLITERATION)

- Bańkowski A., 2000: *Etymologiczny słownik języka polskiego*, t. 1–2. Warszawa.
- BAS = *Bol'shoj akademicheskij slovar' russkogo jazyka*, t. 1–24. Moskva–Sankt-Peterburg, 2004–2017.
- Boryś W., 2005: *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Kraków.
- Brückner A., 1974: *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Warszawa.
- Christiani W.A., 1906: *Über das Eindringen von Fremdwörtern in die russische Schriftsprache des 17. und 18. Jahrhunderts*. Diss. Berlin.
- Dal' V., 1978–1980: *Tolkovoj slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka*, t. I–IV. Moskva.
- ESSČ = *Elektronický slovník staré češtiny*. URL: <http://vokabular.ujc.cas.cz> (30–03–2018).
- ESUM = *Etimologičnij slovník ukraïns'koï movi*, t. 1–6. Kiïv, 1982–2014.
- Fasmer M., 1964–1973: *Jetimologičeskij slovar' russkogo jazyka*. Per. i dop. O.N. Trubacheva. T. I–IV. Moskva.
- Garbul' L., 2009: *Semanticheskie polonizmy v russkom prikaznom jazyke XVII veka*. Vilnius.
- Garbul' L.P., 2011: Vklad professora S. Kohmana v razrabotku problematiki pol'sko-russkih jazykovyh kontaktov, *Slavistica Vilnensis 2011 (Kalbotyra 56 (2))*. 139–147.
- Garbul' L.P., 2014a: Mezhslavjanskije semanticheskie zaimstvovanija v russkom prikaznom jazyke XVII veka, *Slavistica Vilnensis*, 59. 63–80.
- Garbul' L., 2014b: *Leksicheskie polonizmy v russkom prikaznom jazyke pervoj poloviny XVII veka*. Vilnius.
- Garbul' L., 2015: Mezhslavjanskije leksicheskie zaimstvovanija v diplomaticheskoi

- korrespondencii Moskovskogo gosudarstva, *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 60/1. 1–19.
- Garbul' L.P., 2016: Nezamechennyye semanticheskie polonizmy v prikaznom jazyke Moskovskogo gosudarstva, *Slavistica Vilnensis*, 61. 35–61.
- Garbul' L., 2017a: O dvojakoi roli pis'mennosti Velikogo knjazhestva Litovskogo v mezhsлавjanskikh jazykovykh kontaktah, *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 62/2. 277–289.
- Garbul' L., 2017b: K voprosu o roli pis'mennosti Velikogo knjazhestva Litovskogo v mezhsлавjanskikh jazykovykh kontaktah, *Slavistica Vilnensis*, 62. 65–77.
- Garbul' L.P., 2018: Mezhsлавjanskije jazykovye kontakty kak istochnik zaimstvovaniy v prikaznom jazyke Moskovskoj Rusi, *Studia Russica*. Budapest (v pečati).
- Grot Ja.K., 1873: *Filologicheskije razyskanija*, t. I. Sankt-Peterburg.
- Grinchenko B., 1996–1997: *Slovar' ukraïns'koï movi*. V 4 t. Kiïv (reprint, 1907–1909).
- GSBM = *Gistarychny sloŭnik belaruskaj movy*, vyp. 1–37. Minsk, 1982–2017.
- IJeSSRJJa = Chernyh P.Ja., 1999: *Istoriko-jetimologicheskij slovar' sovremennogo russkogo jazyka*, t. I–II. Moskva.
- JeSIRJa = Zhuravlev A.F., Shanskij N.M. (red.), 1963–2007: *Jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka*, t. I (vyp. 1–5) – II (vyp. 6–8), vyp. 9–10. Moskva.
- JeSSJa = *Jetimologicheskij slovar' slavjanskikh jazykov*, vyp. 1–40. Moskva, 1974–2016.
- Karłowicz = *Słownik języka polskiego* ułożony pod redakcją J. Karłowicza, A. Kryńskięgo, W. Niedźwiedzkiego, t. I–VIII. Warszawa, 1900–1935.
- Kochman S., 1967: *Polsko-rosyjskie kontakty językowy w zakresie słownictwa w XVII wieku*. Wrocław–Warszawa–Kraków.
- Linde S. B., 1854–1860: *Słownik języka polskiego*, t. I–VI. Lwów.
- Nosovich I.I., 1870: *Slovar' bñlorusskago narnchija*. Sankt-Peterburg.
- PSIJČ = *Přiruční slovník jazyka českého*, d. I–VIII. Praha, 1935–1957.
- RBS = *Russko-belorusskij slovar'*, 8-e izd., t. 1–3. Minsk, 2002.
- Reczek St., 1968: *Podręczny słownik dawnej polszczyzny*. Wrocław–Warszawa–Kraków.
- Rejzek J., 2001: *Český etymologický slovník*. Voznice.
- SAR = *Slovar' Akademii Rossijskoj, po azbuchnomu porjadku raspoložennyj*, ch. I–VI. Sankt-Peterburg, 1806–1822.
- SBM = *Sloŭnik belaruskaj movy*. Uklad. N.P. Eŭsievich [i insh.]. Minsk, 2012.
- SłJP = *Słownik języka polskiego*, t. I–XI. Warszawa, 1958–1969.
- SłP XVI = *Słownik polszczyzny XVI wieku*, t. I–XXXVI. Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk, 1966–2012.
- SłP XVII = *Elektroniczny Słownik języka polskiego XVII 1. połowy XVIII wieku*, oprac. zespół Pracowni Historii Języka Polskiego XVII/XVIII w. pod kierunkiem W. Gruszczyńskiego, A–. IJP PAN, 2004–. URL: <http://sxvii.pl> (04–03–2018).
- SIRJa XI–XVII vv. = *Slovar' russkogo jazyka XI–XVII vv.*, vyp. 1–30. Moskva, 1975–2015.

- SIRJa XVIII v. = *Slovar' russkogo jazyka XVIII veka*, vyp. 1–21. Leningrad–Sankt-Peterburg, 1984–2015.
- SISJČ = *Slovník spisovného jazyka českého*, d. I–VIII. Praha, 1989.
- SISč = Gebauer J., 1970: *Slovník staročeský*, d. I–II. Praha.
- SIStp = *Słownik staropolski*, t. I–XI. Warszawa, 1953–2002.
- Sreznevskij I.I., 1893–1912: *Materialy dlja slovarja drevnerusskogo jazyka*, t. I–III. Sankt-Peterburg.
- SRNG = Filin F.P. (gl. red.), Sorokoletov F.P., Myznikov S.A., 1965–2016: *Slovar' russkikh narodnyh govorov*, vyp. 1–49. Moskva–Leningrad–Sankt-Peterburg.
- SSM = *Slovník staroukrajns'koï movi XIV–XV st.*, t. 1–2. Kiïv, 1977–1978.
- SSRLJa = *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka*, t. 1–17. Moskva–Leningrad, 1950–1965.
- StčSI = *Staročeský slovník*, d. III–V. Praha, 1977–2004.
- SUM = *Slovník ukrajns'koï movi*, t. I–XI. Kiïv, 1970–1980.
- SUM XVI – I pol. XVII st. = *Slovník ukrajns'koï movi XVI – pershoï polovini XVII st.*, vip. 1–16. L'viv, 1994–2013.
- Timchenko E. K., 2002–2003: *Materiali do slovníka pisemnoï ta knizhnoï ukrajns'koï movi XV–XVIII st.* Pidgotuvali do vidannja V.V. Nimchuk ta G.I. Lisa, kn. 1–2. Kiïv–N'ju-Jork.
- TSBM = *Tlumachal'ny sloŭnik belaruskaj movy*, t. 1–5. Minsk, 1977–1984.
- USIJP = *Uniwersalny słownik języka polskiego pod redakcją S. Dubusza*, t. 1–4. Warszawa, 2003.
- VTSSUM = *Velikij tlumachal'nij slovník suchasnoï ukrajns'koï movi*. Uklad. i golov. red. V.T. Busel. Kiïv, 2005.
- Witkowski W., 2006: *Nowy słownik zapoŭyczeń polskich w języku rosyjskim*. Wyd. II rozszerzone. Kraków.
- Zoltan A., 2014: *Inter-slavica. Issledovanija po mezhslavjanskim jazykovym i kul'turnym kontaktam*. Moskva.

LIUDMILA PAVLOVNA GARBUL'

On the Question of Inter-Slavonic Language Contacts in the 15–17th centuries (on the material of the diplomatic correspondence of Muscovy)

The present article deals with inter-Slavonic language contacts, in particular, language contacts between the East Slavic and West Slavic languages on the lexical level on the material of diplomatic correspondence of Muscovy. The publication examines anew exposed lexical (*vyobraziti* 'list, adduce; mention, refer(to); describe', *zapomogati* 'support', *nedoroslyj* 'very young; under age, juvenile, minor') and semantic (*uznati* 'admit; agree, concede') inter-Slavonic borrowings. Moreover, the article deals with the role of the written language of the Great Duchy of Lithuania in Polish-Russian language contacts.

Keywords: inter-Slavonic language contacts, Polish-Russian language contacts, diplomatic correspondence (documents), the written language of the Great Duchy of Lithuania, lexical borrowing, semantic borrowing/calque.

LIUDMILA PAVLOVNA GARBUL

Apie XV–XVII a. tarpslaviškus kalbinius kontaktus
(remiantis Maskvos Rusijos diplomatine korespondencija)

Straipsnyje, remiantis Maskvos Rusijos diplomatine korespondencija, nagrinėjami tarpslaviški kalbiniai kontaktai, būtent rytų ir vakarų slavų kalbų kontaktai leksikos lygmeniu. Publikacijoje analizuojami nauji aptikti tarpslaviški leksiniai (*vyobraziti* ‘pateikti; išvardyti, paminėti’, *zapomogati* ‘padėti; teikti paramą, šelpti’, *nedoroslyj* ‘mažametis; nepilnametis’) ir semantiniai (*uznati* ‘pripažinti; sutikti (su kuo)’) skoliniai. Be to, nagrinėjamas Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės raštijos vaidmuo lenkų ir rusų kalbiniuose kontaktuose.

Reikšminiai žodžiai: tarpslaviški kalbiniai kontaktai, lenkų-rusų kalbiniai kontaktai, diplomatinė korespondencija (dokumentai), LDK raštija, leksinis skolinys, semantinis skolinys / kalkė.

Поступило в редакцию: 5 апреля 2018 г.

Принято к печати: 28 апреля 2018 г.

Людмила Павловна Гарбуль, доктор гуманитарных наук, доцент Института иностранных языков Вильнюсского университета.

Liudmila Pavlovna Garbul', PhD (Humanities), Assoc. prof. of the Institute of Foreign Languages of Vilnius University.

Liudmila Pavlovna Garbul, humanitarinių mokslų daktarė, Vilniaus universiteto Užsienio kalbų instituto docentė.

E-mail: liudmila.garbul@ff.vu.lt